

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Ранние восходы

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Ранние всходы: Роман / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 284 с.

ISBN 978-5-519-95163-0

ISBN 978-5-519-95163-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Извините, пожалуйста; что же это такое будетъ, т. е. это самое Сузумье?

— Уѣздный городъ...

— Такъ-съ... А позвольте узнать, какой губерніи?

Честюнина назвала одну изъ далекихъ восточныхъ губерній, и старичокъ съ сожалѣніемъ покачалъ головой, точно она ѣхала, по меньшей мѣрѣ, съ того свѣта.

— Такъ-съ... Значить, въ Питеръ? Очень хорошо... А позвольте узнать, по какимъ такимъ дѣламъ?

— Учиться...

— Такъ-съ... Въ гимназію, значить?

— Нѣтъ, я гимназію кончила, а ѣду поступить на медицинскіе курсы.

Старичокъ посмотрѣлъ на нее какими-то оторопѣлыми глазами и съ раздраженіемъ спросилъ:

— Значить, мертвецовъ будете рѣзать?

— Да...

Отвѣтъ, видимо, не удовлетворилъ любопытнаго старца. Онъ что-то пошепталъ про себя, угнетенно вздохнулъ и спросилъ уже другимъ тономъ:

— Позвольте спросить, сударыня, а какъ же, напримѣръ, родители? Я говорю къ тому, что ежели бы моя собственная дочь... Да ни въ жисть!.. Помилуйте, молодая дѣвушка, которая и понимать-то ничего не должна и, вдругъ такая мерзость... тьфу!

Старичокъ даже зашипѣлъ отъ злости и благочестиво плюнулъ по адресу волновавшей его мерзости.

— Такъ какъ же, напримѣръ, родители?—приставалъ онъ. — Въ такую даль отпускають одну одиначеньку.

— Что же тутъ страннаго? Какъ видите, никто до сихъ поръ не съѣлъ меня...

— Нѣтъ, я такъ полагаю, что ваши родители померли...

— Отецъ, дѣйствительно, умеръ, а мать жива...

— Изъ чиновниковъ?

— Да...

— И состояніе оставилъ родитель?

— Мама получаетъ пенсію...

— Братъ есть?

— Одинъ братъ въ Москвѣ въ университетѣ, а другой въ гимназіи.

Этотъ допросъ начиналъ раздражать Честюнину, и дѣвушка начала придумывать, какъ бы оборвать нахальнаго старика. Но ему, видимо, пришла какая-то новая мысль, и онъ спросилъ прежнимъ заискивающимъ тономъ:

— А можетъ-быть у васъ есть въ Питерѣ богатые родственники?..

— Есть дядя. Онъ служитъ въ министерствѣ...

— Генералъ?

— Право не знаю... Кажется, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

— Богатый?

— И этого не знаю... Я его никогда не видала и ѣду въ Петербургъ въ первый разъ.

— Такъ-съ... Ну, это совсѣмъ другое дѣло, ежели

есть дядя и притомъ въ чинѣ штатскаго генерала. Вы, значить, прямо къ нему?

— Не знаю, право. Очень можетъ быть...

— Конечно, къ нему, хотя и говорится пословица, что деревенская родня, какъ зубная боль. Вы ужъ извините меня, сударыня, а надо прямоенько говорить... Совсѣмъ вы молоды и, можно сказать такъ, что какъ есть ничего не понимаете, а дядя-то ужъ все понимаетъ. У меня три такихъ знакомыхъ штатскихъ генерала есть... Аккуратно живутъ и держать себя весьма сосредоточенно.

Навязчивый старичокъ совершенно успокоился и сосредоточилъ все свое вниманіе на хохотавшемъ студентѣ, но потомъ неожиданно обернулся къ Честюниной и проговорилъ:

— А по нашему, по необразованному, лучше бы было, ежели бы вы, сударыня, остались въ своемъ Сузумѣ да, на примѣръ, замужъ дѣвичьимъ дѣломъ. Куда аккуратноѣ бы вышло, и мамынькѣ покойнѣ бы не въ примѣръ, а то теперь вотъ какъ, поди, старушка-то думаетъ... Можетъ, у старушки-то и женишокъ былъ свой на примѣтъ? Что же, дѣло житейское...

Послѣднее замѣчаніе вдругъ сконфузило дѣвушку, такъ что она даже покраснѣла. Любопытный старецъ смотрѣлъ на нее улыбающимися глазами и покачивалъ головой. Впрочемъ, поѣздъ уже подходилъ къ Петербургу, и разговоръ прекратился самъ собой.

— Эти вонъ трубы-то—это все фабрики по Невѣ,—объяснялъ старичокъ, связывая подушку въ узелъ.—

И столько этихъ фабрикъ... А вонъ тамъ дымить Обуховскій заводъ. Пушки льютъ...

Дѣвушка молчала, охваченная опять волненіемъ. Она вся точно сжалась и чувствовала себя такой маленькой-маленькой. Весь вагонъ поднялся на ноги, и всѣ торопливо собирали свои пожитки, до веселаго студента включительно. Честюнина наблюдала за всѣми и думала, что вотъ этихъ всѣхъ кто-нибудь ждетъ, кто-нибудь будетъ ихъ встрѣчать и радоваться этой встрѣчѣ, и только она одна составляетъ печальное исключеніе. Вопросъ о томъ, остановиться у дяди или нѣтъ, все еще оставался нерѣшеннымъ.

— Слава тебѣ, Господи,—вслухъ молился старичокъ, крестясь на купола Александро-Невской лавры.—Вотъ мы и дома, сударыня... Счастливо оставаться.

Поѣздъ уже замедлилъ ходъ. По сторонамъ мелькали пустые вагоны, а потомъ точно выплыла станціонная платформа, на которой стояли кучки ожидавшей публики и бѣгали въ синихъ блузахъ и бѣлыхъ передникахъ посыльные. Кто-то махалъ на платформѣ шапкой, слышались радостныя восклицанія и поднималась суматоха разѣзда. Честюнина дождалась, пока выйдутъ другіе—вѣдь ей некуда было торопиться, и вышла почти послѣдней. Платформа быстро очищалась отъ публики, и оставалось всего нѣсколько человѣкъ, очевидно, никого ни ожидавшихъ. Они пытливо оглядывали каждаго запоздаваго пассажира, который выходилъ изъ вагона, и провожали его глазами. Когда Честюнина

тащила свой сакъ-вояжъ и разные дорожные узелки, къ ней подошелъ красивый молодой человѣкъ и проговорилъ:

— Простите, вы не m-lle Честюнина?

Этотъ неожиданный вопросъ смутилъ дѣвушку, и она вся вспыхнула.

— Да, я...

— Имѣю честь рекомендоваться: вашъ двоюродный братъ Евгеній Васильевичъ Анохинъ.

— Ахъ, очень, очень рада... Какъ это вы узнали меня?

— Очень просто: по вашимъ узелкамъ. Сейчасъ видно провинціалку. Я такъ и мутерхенъ сказалъ... У насъ комната приготовлена для васъ. Да... Папа вчера получилъ письмо отъ вашей мамы, а я сегодня и поѣхалъ встрѣчать.

— Вотъ какая мама... А я еще просила ее ничего не писать обо мнѣ. Во всякомъ случаѣ, очень благодарна вамъ за вниманіе... мнѣ совѣстно...

— Помилуйте, Марья Гавриловна. Позвольте мнѣ ваши узелки... Эй, человѣкъ!..

Анохинъ имѣлъ совсѣмъ петербургскій видъ, какъ опредѣлила его Честюнина про себя. Какой-то весь приглаженный и вылощенный, точно сейчасъ сорвался съ модной картинки. И говорилъ онъ чуть въ носъ, смѣшно растягивая слова. Молодое красивое лицо съ темными усиками и темными глазами было самоуувѣренно, съ легкимъ отбѣнкомъ вѣжливаго нахальства. Рядомъ съ нимъ дѣвушка почувствовала себя самой непростительной провинціалкой, начиная съ помятой дорогой касторовой

шляпы и кончая несчастными провинціальными узелками. Она еще разъ смутилась, чувствуя на себѣ экзаменовавшій ее съ ногъ до головы взглядъ петербургскаго брата. Онъ, дѣйствительно, осматривалъ ее довольно безцеремонно. Одѣта совсѣмъ по-провинціальному, какъ не одѣвается даже горничная Даша, а личико съ большими наивными голубыми глазами, мягкимъ дѣтскимъ носомъ и свѣжимъ ртомъ ничего себѣ, хотъ куда. „Дѣвица съ ноготкомъ“, — опредѣлилъ братецъ провинціальную сестрицу. — „Вотъ этакія бѣлокуроыя барышни склонны въ особенности въ трагедіи... „Я твоя навѣки, а впрочемъ въ смерти моей прошу никого не обвинять“. Очень понимаемъ... Папахенъ, кажется, ошибся“.

Пока артельщикъ получалъ багажъ, Анохинъ болталъ самымъ непринужденнымъ образомъ и нѣсколько разъ очень мило съострилъ, такъ что Честюнина не могла не улыбнуться. Анохинъ замѣтилъ, что она очень мило улыбалась, какъ всѣ люди, которые смѣются рѣдко.

— А знаете, Марья Гавриловна, я долженъ васъ предупредить относительно одной тайны... Да, да, настоящая тайна! Вчера получено было письмо отъ вашей маман, а сегодня утромъ другое... гм... И знаете, адресъ написанъ мужской рукой, немного канцелярскимъ почеркомъ. Моя мутерхенъ великій знатокъ по этой части и сразу надулась.. Вы не смущайтесь и сдѣлайте видъ, что ничего не замѣчаете. Я всегда такъ дѣлаю... На всякій случай счелъ своимъ долгомъ предупредить васъ.

Дѣвушка, однако, смутилась еще разъ и даже опустила глаза, какъ горничная.

— Вѣроятно отъ брата изъ Москвы... — точно оправдывалась она.

— Конечно, отъ брата. И я такъ же объяснилъ мутерхенъ... О, мутерхенъ величайшій изъ дипломатовъ и у насъ происходятъ постоянныя стычки на этой почвѣ. У меня масса непріятностей именно изъ-за писемъ.

Когда артельщикъ принесъ дешевый чемоданчикъ и простой мѣшокъ, сконфузился уже молодой человекъ. Во-первыхъ, онъ пріѣхалъ на собственномъ извозчикѣ, а во-вторыхъ, швейцаръ Григорій сдѣлаетъ такую презрительную рожу... Только мужики на заработки идутъ съ такими мѣшками. Впрочемъ нужно быть немножко демократомъ, когда имѣешь провинціальную сестрицу. Ахъ, эти провинціалы, ничего-то они не понимаютъ: какой-нибудь дурацкій дорожный мѣшокъ—и все погибло. Можно себѣ представить положеніе папахена, который выдавалъ племянницу чуть не за милліонершу. Молодой человекъ понялъ, что папахенъ этимъ маневромъ хотѣлъ подкупить мамахенъ, сдѣлавшую кислое лицо при первомъ извѣстіи о ѣдущей провинціалкѣ-племянницѣ, и по пути ввелъ въ заблужденіе родного сына. Развѣ бы онъ поѣхалъ встрѣчать на вокзалъ, если бы по молодости лѣтъ не увлекся мыслью о родственныхъ богатствахъ? Впрочемъ, все равно...

— Ефимъ изъ пятой линіи!—громко выкрикивалъ на подъѣздѣ артельщикъ.

Подаль извозчикъ-лихачъ, замѣтно покосившійся на проклятый мѣшокъ, сунутый ему въ ноги. Накрапывалъ назойливый осенній дождь, и всѣ зданія казались особенно мрачными.

— Я забылъ извиниться предъ вами за нашу милую петербургскую осень, — весело шутилъ Анохинъ, когда лихачъ выѣхалъ на Знаменскую площадь. — Ефимъ по Невскому! Я хочу васъ поразить лучшей петербургской улицей, Марья Гавриловна... Только вотъ дождь портить впечатлѣнїе.

На площади они встрѣтили того старичка, который донималъ Честюнину своей пытливостью. Онъ несъ на спинѣ какой-то тюкъ и раскланялся съ „барышней“. Анохинъ черезъ плечо посмотрѣлъ на нее и только приподнялъ плечи въ знакъ удивленія. Она замѣтила это движеніе и улыбнулась.

II.

Невскій проспектъ не произвелъ на Честюнину впечатлѣнїя, больше того—онъ совсѣмъ не оправдалъ того представленія, которое сложилось по описанїямъ въ книгахъ. Улица какъ улица. Большіе дома, большіе магазины, большое движеніе, а „блестящаго“ и поражающаго какъ есть ничего. Вотъ Исаакіевскій соборъ другое дѣло. Поразила дѣвушку только одна красавица Нева, точно налитая въ гранитныхъ берегахъ. Васильевскій Островъ уже напоминалъ провинціальный губернский городъ.

Швейцаръ Григорій встрѣтилъ гостью съ изысканной любезностью настоящего столичнаго хама. Въ Сузумѣ былъ единственный швейцаръ въ женской гимназіи, и Честюнина смотрѣла съ дѣтскимъ любопытствомъ на эту новую для нея породу людей.

— Вы пройдете въ свою комнату, — диктовалъ Анохинъ, когда они поднимались по лѣстницѣ въ третій этажъ. — Горничная Даша подастъ вамъ умыться... Вы съ ней поостроже, Марья Гавриловна.

— Я не умѣю...

— Учитесь. А мутерхенъ выйдетъ къ завтраку...

Горничная Даша, красивая, но съ какимъ-то преждевременно увядшимъ лицомъ, встрѣтила гостью съ величавымъ презрѣніемъ, особенно когда на сцену появился знаменитый мѣшокъ и провинціальныя узелки. Квартира была большая и парадныя комнаты поражали Честюнину своей показной роскошью. Отведенная ей комната, впрочемъ, отличалась спартанской простотой, и это даже обрадовало гостью, напомнивъ оставленную дома приличную нищету. Вездѣ было тихо, точно весь домъ вымеръ. Даша тоже величественно молчала и демонстративно положила мѣшокъ на письменный столъ. Честюнина ничего ей не сказала, и сама перенесла его въ уголъ.

— Не прикажете ли чего-нибудь, барышня? — спросила Даша, улыбающимися глазами глядя на мужскіе дешевенькіе серебряные часы, которые гостья положила на письменный столъ — такихъ часовъ даже швейцаръ Григорій не будетъ носить.

— Рѣшительно ничего не нужно... Я привыкла все дѣлать сама.

— Какъ вамъ будетъ угодно... Барыня Елена Ѳедоровна выдутъ къ завтраку ровно въ двѣнадцать часовъ. У насъ ужъ такъ заведено...

Оставшись одна, Честюнина подошла къ окну и долго смотрѣла на столичный дворъ, походившій на пропасть. Со дна этой пропасти поднимался какой-то особенно тяжелый воздухъ. Впрочемъ она еще на улицѣ почувствовала его — отдавало помойной ямой и какой-то подвальной гнилью. Умывшись безъ помощи Даши, она съ особенной тщательностью занялась своимъ туалетомъ, а прибирая волосы, нѣсколько разъ улыбнулась. Навѣрно петербургскій братецъ теперь волнуется за нее, потому что мутерхень произведетъ ей настоящій экзамень. Къ сожалѣнію, самое нарядное черное шерстяное платье изъ дешевенькаго кашемира оказалось смятымъ, носки ботинокъ порыжѣли, а волосы походили на солому.

Когда она была готова, въ дверяхъ послышался осторожный стукъ.

— Войдите ..

Вошелъ Анохинъ, быстро оглядѣлъ ее и остался, кажется, доволенъ. Онъ подалъ ей письмо и, глядя на свои золотые часы, предупредилъ:

— Остается ровно полчаса до завтрака... У насъ это въ родѣ священнодѣйствія.

Онъ уже хотѣлъ уходить, какъ замѣтилъ лежавшіе на столѣ часы.

— Марья Гавриловна, ради Бога, не надѣвайте